

М. А. Живлов

Российский государственный гуманитарный университет; Российская академия народного хозяйства и государственной службы (Москва); zhivlov@yandex.ru

Saskia Pronk-Tiethoff.

The Germanic loanwords in Proto-Slavic.

Leiden Studies in Indo-European 20. Amsterdam / New York, NY: Rodopi, 2013. 316 pp.

Книга Саскии Пронк-Титхофф «Германские заимствования в праславянском» основана на докторской диссертации, защищенной автором в Лейденском университете в ноябре 2012 года под руководством А. Лубоцкого и Ф. Кортландта. Автор ставит перед собой двойную цель — представить новый обзор германизмов в праславянском и установить правила, по которым германские заимствования приписываются к одной из праславянских акцентных парадигм (а. п.). Необходимость в таком исследовании давно назрела: последние исследования по этой теме вышли до революции в славянской акцентологии, начавшейся с выхода книги Х. Станга [Stang 1957] и продолженной в работах В. М. Иллич-Свитыча и В. А. Дыбо. Соответственно, все выводы, касающиеся акцентуации германизмов в праславянском, должны быть пересмотрены в свете современных представлений о славянской акцентологии.

Книга состоит из предисловия, восьми глав, библиографии и указателя. В главе первой (1. Introduction) дается общий обзор использованных источников и литературы по теме. Вторая глава (2. The Proto-Slavic prosodic system), представляет собой краткое изложение основных терминов славянской акцентологии. В третьей главе (3. Research history on the accentuation of Germanic loanwords in Proto-Slavic) автор излагает существующие в литературе взгляды на акцентуацию праславянских германизмов. Глава 4 (4. Language contact between Proto-Slavic and Germanic tribes) представляет собой обзор внешней истории германских и славянских языков. Пятая глава (5. The main corpus: Germanic loanwords in Proto-Slavic) содержит основную сводку материала по достоверным германизмам в праславянском; рассматриваемые слова сгруппированы по славянским акцентным парадигмам. К сожалению, автор, по всей видимости, не имела возможности во время написания книги воспользо-

ваться «Древнерусским и старовеликорусским акцентологическим словарем-указателем» А. А. Зализняка [Зализняк 2011]. Со времени издания рецензируемой книги вышла новая, значительно более полная версия акцентологического словаря Зализняка — «Древнерусское ударение. Общие сведения и словарь» [Зализняк 2014]. Данные этого словаря могут быть использованы для того, чтобы проверить и дополнить представленную в рецензируемой работе акцентологическую реконструкцию. Так, на с. 121 автор, полемизируя с В. Кипарским, отвергает предложенную последним реконструкцию а. п. *a* для слова **rylkъ* ‘полк’ и на основании сербохорватских данных предлагает восстанавливать а. п. *b*. Этот вывод подтверждается данными словаря Зализняка [Зализняк 2014: 485].

В шестой главе (6. Words that cannot be regarded as certain Germanic loanwords in Proto-Slavic) рассматриваются как возможные германизмы, для которых есть альтернативные этимологии (исконное происхождение, заимствование из латинского), так и слова, германское происхождение которых может быть окончательно отвергнуто. Седьмая глава (7. The origin of the loanwords) посвящена подробному разбору критериев, по которым можно установить конкретный источник — готский или западногерманский — праславянских германизмов. Также в главе дается семантическая классификация германских заимствований. В восьмой главе (8. Accentological analysis of the material) автор предлагает свое объяснение распределению германизмов по славянским акцентным парадигмам.

Основные выводы автора можно вкратце изложить так. Все германизмы в праславянском разбиваются на две группы: заимствования из готского и заимствования из западногерманских (собственно, верхне- и нижненемецких) диалектов. Нет оснований выделять отдельный слой заимствований из прагерманского; кроме того, автор отвергает суще-

ствование таких заимствований по историко-географическим причинам. Подавляющее большинство германизмов имеют а. п. *a* или *b*, что ожидаемо, т. к. неподвижное германское ударение едва ли могло субституироваться подвижным славянским. Заимствования с краткостным слоговым отрезком в корне (light syllabic nucleus) автоматически получают а. п. *b*, поскольку такие слова не могут иметь а. п. *a* по фонетическим причинам. Слова с долготным слоговым отрезком в корне (heavy syllabic nucleus) по умолчанию также получают а. п. *b* и имеют а. п. *a* лишь в двух типах случаев. Первый — это праславянские *o*-основы мужского рода, восходящие к германским словам мужского рода. В результате действия правила Иллич-Свитыча имена мужского рода с неподвижным ударением и неаккутированным корнем (т. е. те имена мужского рода, которые по общим правилам должны были бы относиться к а. п. *b*) перешли в праславянском в а. п. *c* (автор не признает реконструкции а. п. *d*). Поскольку после действия этого правила в праславянском не было *o*-основ мужского рода, принадлежащих к а. п. *b*, заимствованные *o*-основы мужского рода получали а. п. *a*. Это правило относится к заимствованиям как из готского, так и из западногерманского. Следовательно, правило Иллич-Свитыча действовало до проникновения в праславянский германских заимствований: иначе они получили бы а. п. *b* и затем вместе с исконными словами перешли бы в а. п. *c* (или а. п. *d* по версии Московской акцентологической школы). В свою очередь, тот факт, что германизмы по умолчанию относятся к а. п. *b*, указывает, что заимствование имело место до действия закона Дыбо (после него неподвижное ударение на первом слоге имели только слова а. п. *a*).

Второй случай, в котором германизмы получают а. п. *a*, касается только заимствований из западногерманского. Такие заимствования, по мнению автора, получают а. п. *a*, если их корни оканчиваются на глухой смычный. Это распределение объясняется автором в духе глоттальной теории в ее «лейденской» версии: праславянский акут фонетически интерпретируется как глоттализация гласного (ср. прерывистую интонацию в латышском), а для прагерманских глухих смычных (восходящих к праиндоевропейским «звонким», т. е., согласно данной теории, глоттализованным) предполагается преглоттализованное произношение. Есть и отдельные исключения из постулируемых автором правил. Дальнейшие исследования в области акцентологического анализа германизмов в праславянском должны быть сосредоточены на анализе и

объяснении этих исключений, а также перепроверке акцентологических реконструкций автора с учетом как словаря [Зализняк 2014], так и других дополнительных источников.

Безусловным достоинством рецензируемой книги является строгость и эксплицитность аргументации автора. Для каждого анализируемого слова приводятся все доводы, позволяющие отнести его к тому или иному слою заимствований. Так, возведение праславянского **kъnędźь* ‘князь’ к западногерманскому источнику аргументируется тем, что суффикс *-inga-* не используется в готском (в отличие от западногерманского) для образования отыменных имен мужского рода, обозначающих людей; кроме того, в готском значение ‘монарх’ передается другим словом — *huidans* (с. 134, 238). На наш взгляд, строгая и убедительная классификация германизмов по их происхождению является одной из самых больших заслуг автора.

Проблематичным представляется употребление автором термина «праславянский» (Proto-Slavic). Как отмечает автор на с. 15, «в данной книге термин “праславянский” употребляется не по отношению к одной конкретной системе в один конкретный момент времени, но, скорее, к языку, на котором говорили праславяне как на прародине, так и когда они стали распространяться на территории, занимаемые ими сегодня. Пока язык разделял общие инновации, его можно называть “праславянский»» (“In this book, the term Proto-Slavic does not refer to one specific system at one specific point of time, but rather to the language the Proto-Slavs spoke both in their homeland and when they started to spread over the territory they inhabit today. As long as the language shared common innovations, it can be called ‘Proto-Slavic’”). Вопрос, который остается без ответа, — какие именно общие инновации достаточны для того, чтобы продолжать говорить о праславянском? На с. 111, где обсуждается слово **korljь* ‘король’, восходящее к имени Карла Великого, мы читаем: «Тот факт, что **korljь* очевидно относится к праславянскому периоду (это слово представлено во всех трех ветвях славянских языков, при этом оно подвергается действию регулярных праславянских звуковых законов), — одна из причин для датировки конца праславянского периода девятым веком» (“The fact that **korljь* clearly belongs to the Proto-Slavic period (it is represented in all three branches of Slavic and it underwent regular Proto-Slavic sound laws) is one of the reasons to date the end of Proto-Slavic to the ninth century”). Автор явно недооценивает возможности фонетического «пересчета» заимствований в уже разошедшихся

родственных языках по системе соответствий для исконных слов. Подобный «пересчет» частично действует между финским и северносаамским — языками, самостоятельная история которых насчитывает не меньше трех тысяч лет [Aikiö 2007]. Еще один вопрос — если называть «праславянским» диалектно расчлененный славянский язык эпохи миграций, то как должен называться последний общий предок славянских языков непосредственно перед его распадом (= появлением диалектов)? Поскольку именно этот последний общий предок реконструируется сравнительно-историческим методом (в результате применения которого снимаются все инновации, в том числе диалектные), он безусловно заслуживает отдельного наименования. Возможно, лучше было бы все же называть «праславянским» именно эту сущность, а для обозначения диалектно расчлененного языка славян эпохи миграций использовать термин «общеславянский».

Рецензируемая книга написана с позиций Лейденской школы индоевропеистики, и вполне естественно, что автор отдает предпочтение идеям и решениям, принятым в рамках этой школы (ср., например, ключевую роль глоттальной теории в интерпретации Кортландта при решении вопроса о германизмах, принадлежащих к а. п. *a*). В ряде случаев, однако, автор просто игнорирует гипотезы и идеи, принадлежащие представителям других школ. Так, на с. 34 дается обзор попыток датировать действие закона Дыбо с разбором точек зрения Кортландта, Хольцера и Матасовича. При этом автор не упоминает ни предложенную в [Дыбо, Замятина, Николаев 1993] концепцию «правостороннего дрейфа» ударения в а. п. *b*, т. е. поэтапного действия закона Дыбо в уже разошедшихся раннеславянских диалектах, ни критику этой концепции в [Ослон 2011]. Еще более странным выглядит обсуждение закона Винтера (с. 271—272), в котором нет ссылки на работу [Dybo 2002] — самую полную сводку материалов по данному закону.

Обосновывая отказ от реконструкции праславянской а. п. *d* (с. 37), автор пишет: «Свидетельства для реконструкции а. п. *d* в основном обнаруживаются в диалектах хорватского, поскольку слова, предположительно принадлежавшие к а. п. *d*, акцентуируются согласно а. п. *c* в большинстве других славянских систем» (“Evidence for AP (d) has mainly been found in dialects of Croatian because the words that supposedly belong to AP (d) are stressed according to AP (c) in most other Slavic systems”). При этом никак не комментируется приведенный в [Дыбо, Замятина, Николаев 1990: 129—154] мате-

риал, показывающий особые рефлексы а. п. *d* в ряде других славянских диалектов и средневековых акцентуированных рукописей.

На с. 193, в обсуждении слова **gōsь* ‘гусь’, которое иногда рассматривается как германизм, мы читаем: «Повод для этой этимологии — начальное **g*- в славянском, которое не может быть объяснено, если это слово непосредственно восходит к ПИЕ **ǵ^heh₂ns-* ‘гусь’; если бы это было так, мы бы ожидали, что это слово имело бы начальное **z*- в балтославянском (действительно засвидетельствованное в балтийских формах)» (“The reason for this etymology is the initial **g*- in Slavic, which cannot be explained if the word directly derives from PIE **ǵ^heh₂ns-* ‘goose’; if that were the case, one would expect the word to have initial **z*- in Balto-Slavic (as is indeed attested in the Baltic forms)”). Отсутствие «сатемного» рефлекса в славянском при его наличии в балтийском было объяснено еще А. Мейе [Мейе 2001: 24—25]: в славянском (в отличие от балтийского) в словах, содержащих сибилант **s*, не наблюдается результатов перехода ПИЕ **k̑* > **s* и **ǵ^h* > **z*. Правило Мейе не было опровергнуто позднейшими исследователями — оно было просто забыто. Мейе приводит в обоснование своего правила пять примеров. Кроме уже упомянутого слова ‘гусь’, это праслав. **gvězda* ‘звезда’ (ср. лит. *žvaigždė*; в этимологическом словаре Дерксена славянский рефлекс не объясняется [Derksen 2008: 195—196]), **gvizdati* ‘свистать’ (сравнивается Мейе с лит. *žviėgti*, что сомнительно), **kosa* ‘коса (орудие)’ < ПИЕ **kōs-*, ср. др.-инд. *śāstra-* н. ‘нож’ (Дерксен отвергает индоевропейскую этимологию из-за славянского **k* [Derksen 2008: 238]) и **svekry* ‘свекровь’ < ПИЕ **suekruH* (Дерксен имплицитно предполагает депалатализацию перед сонантом [Derksen 2008: 475]). Ср. также **svekrь* ‘свекор’ из ПИЕ **suekuro-*, давшего в литовском *šėšuras* (Дерксен предполагает для славянского аналогию со **svekry* [Derksen 2008: 475]). Мейе приводит одно исключение, заставляющее его предположить, что указанное правило в середине слова, возможно, действовало только перед **r*: **sъvsati* ‘сосать’ (< ПИЕ **suk-*, ср. лат. *sūcus* ‘сок’). Это исключение едва ли может дискредитировать правило: как замечает сам Мейе, «по своему характеру это слово не может служить для установления фонетических соответствий» [Мейе 2001: 25] (имеется в виду принадлежность этого слова к экспрессивной «детской лексике»). Полный просмотр нового этимологического словаря славянских языков [Derksen 2008] дает лишь одно возможное исключение из правила Мейе: праслав. **sъršěнь* ‘шершень’ < ПИЕ **k̑rh₂s-en-* [Derksen 2008: 485—486].

Очевидно, что считать это слово исключением можно только при принятии определенной относительной хронологии: если правило Мейе действовало до правила RUKI, то этот пример — исключение; если же сначала действовало правило RUKI, то естественно полагать, что *x (возникшее по правилу RUKI) не вызывало диссимилятивного сохранения/восстановления велярного по правилу Мейе.

Автор рецензируемой работы, вслед за Ф. Кортландтом, объясняет сохранение велярного в слове *gqsъ позицией перед ларингалом, причем для объяснения балтийского рефлекса (лит. *žąsis*) оказывается необходимым постулировать аблаут, якобы сохранившийся вплоть до прабалто-славянского, с дальнейшим обобщением разных ступеней в балтийском и славянском: ном. sg. *ǵ^heh₂ns, асс. sg. *ǵ^hh₂nsm, gen. sg. *ǵ^hh₂nsos. Как указывает автор, ранее Кортландт постулировал для этого слова такой же аблаут, но объяснял депалатализацию в славянском позицией перед сонантом *-n-. Реконструированный таким образом аблаут служит аргументом в дальнейших построениях (с. 194): Кортландт «сейчас анализирует ПИЕ *ǵ^heh₂ns- ‘гусь’ как -nt-причастие от глагола *ǵ^heh₂- ‘зевать’, поскольку аблаутная схема, восстанавливаемая для ‘гуся’, соответствует аблаутной схеме nt-причастий» (“He now analyses PIE *ǵ^heh₂ns- ‘goose’ as an -nt-participle of the verb *ǵ^heh₂- ‘to yawn’ because the ablaut pattern that has been reconstructed for ‘goose’ corresponds to the ablaut pattern of the nt-participles”). Между тем единственным основанием для реконструкции какого бы то ни было аблаута в ПИЕ слове ‘гусь’ служит кентумный рефлекс начального палатального в славянском, объясняемый правилом Мейе.

В кратком очерке славянской акцентологии вызывает недоумение описание акцентной парадигмы с (с. 36). Автор пишет про нее следующее: «А. п. с имеет подвижное ударение. Ударение чередуется между начальным и конечным слогами слова. Формы с начальным ударением имеют падающий тон» (“AP (c) has mobile accent. The stress alternates between the initial and the final syllable of the word. Forms with initial stress have a falling tone”). Далее в качестве признаков, по которым можно распознать а. п. с, автор приводит особенности краткости/долготы гласных в западно- и южнославянских языках и тона в южнославянских. Ни слова не сказано про то, что формы а. п. с с «начальным ударением» являлись в праславянском фонологически безударными (энклиноменами), а фонетическое ударение падало в них на первый слог тактовой группы (а при наличии в тактовой группе энклитик падало на энклитики). Эти особенности можно

проиллюстрировать следующими формами из Чудовского Нового Завета (XIV в.): древо, на древѣ, ни на древо; и время, время же, до времени; страха же ихъ, по страху; князи бо, и князи (цит. по [Зализняк 2014]). Может показаться, что данное упущение несущественно для анализа германизмов в праславянском, однако это не так. Анализируя на с. 260 слово *kъnędzъ ‘князь’, имеющее нетипичную для германизмов а. п. с, автор, вслед за Ф. Кортландтом, предлагает сценарий того, как это слово могло перейти из ожидаемой а. п. b в а. п. с. Ключевым моментом этого сценария является отождествление долготного нисходящего акцента, возникшего во втором слоге формы им. п. данного слова в результате действия закона Дыбо и оказавшегося после падения редуцированных в первом слоге, с «нисходящим акцентом» начальноударных форм а. п. с. Но даже если фонетически эти два типа акцента не отличались друг от друга, их поведение в тактовых группах было различным, что делает предложенный сценарий достаточно сомнительным. Хуже всего, однако, что в ряде мест рецензируемой работы этот гипотетический сценарий трактуется как факт: само слово *kъnędzъ рассматривается в разделе 5.4 “Loanwords with AP (b) and a light syllabic nucleus”, со следующим пояснением: «Вероятно, а. п. b (ср. § 8.3.1), хотя это слово часто считается принадлежащим к а. п. с (ср. Зализняк 1985: 137, Дыбо 1981: 171)» (“Probably AP (b) (cf. § 8.3.1), although the word is often thought to have AP (c) (cf. Zaliznjak 1985: 137, Dybo 1981: 171)”) (с. 134). Между тем в цитируемой работе Зализняка излагается вовсе не мнение автора (“thought to have...”), а следующий из анализа акцентуированных рукописей факт, что это слово в древнерусском имело а. п. с (см. теперь [Зализняк 2014: 545—546]).

В разделе 6.4 “Words of indeterminable origin” автор, на наш взгляд, проявляет в ряде случаев гиперскептицизм по отношению к предполагаемым германизмам, для которых в литературе были предложены альтернативные «исконные» этимологии. Многие из этих этимологий требуют дополнительных допущений *ad hoc* или просто недостоверны. Так, для слова *čedo ‘чадо’ (с. 189—190) конкурируют две этимологии: заимствование из западногерманского *kinpa- ‘ребенок’ и производность от *četi (ср. *načeti ‘начать’). При этом «исконная» этимология требует отдельного семантического обоснования, а также предполагает наличие в слове крайне редкого суффикса *-do- с неясным значением. Для слова *gotoviti ‘готовить’ (с. 192—193) альтернативой заимствованию из готско-

го *gataujan* ‘to do, realize, accomplish’ является сравнение с албанским *gatuaj, gatuej* ‘готовить’ и древнегреческим *νηγᾶτεος* ‘new-made’. Албанское слово в этимологическом словаре албанского языка рассматривается как заимствование из славянского [Orel 1998: 111]. Что касается греческого *νηγᾶτεος*, и точное значение этого слова, и его этимология неизвестны [Beekes 2010: 1015]. Гипотеза о заимствовании славянского **melko-* ‘молоко’ из германского **meluk-* ‘id.’ (с. 197—198) действительно сталкивается с трудностями фонетического характера (отсутствие в славянском рефлекса **-u-*). Однако предлагаемая автором альтернатива еще хуже: для объяснения славянского слова, которое не может восходить к ПИЕ корню **h₂melǵ-* (имеющему, к тому же, регулярное отражение в славянском **melz-ti*), постулируется *ad hoc* ПИЕ корень **h₂melk-* с нерегулярными депалатализацией и оглушением, не отраженный больше ни в одной ветви индоевропейских языков. Для слова **opica* ‘обезьяна’ (с. 200—201) альтернативой германской этимологии является заимствование из неизвестного языка. Во всех этих случаях германская этимология славянского слова представляется явно предпочтительной.

На с. 140 автор пишет: «Германское **o-* должно отражаться в праславянском как **a-*» (“Germanic **o-* is expected to yield **a-* in Proto-Slavic...”). Под «германским **o-*» в данном случае имеется в виду рефлекс прагерманского **u*, подвергшийся действию *a*-умлаута. Совершенно непонятно, почему краткий огубленный гласный языка-источника при заимствовании должен адаптироваться как долгий неогубленный гласный. Более того, в рецензируемой книге нам не удалось найти ни одного примера такой адаптации. Тем не менее на с. 187 в связи с возможностью заимствования славянского **avorъ* ‘явор’ из западногерманского (ср. д.-в.-н. *āhorn* ‘платан’ < **ēhurna-*) автор повторяет ту же ошибку: «Эта идея, однако, предполагает, что слово было заимствовано в праславянский позже, чем другие заимствования, обсуждаемые в данной книге, в которых германское **o* соответствует праславянскому **a*, а германское **a* — праславянскому **o*...» (“This idea would, however, presuppose that the word was borrowed into Proto-Slavic later than the other loanwords discussed in this book, in which Germanic **o* corresponds to PS. **a*, and Germanic **a* to PS. **o*...”). В разделе 7.2, посвященном фонологической адаптации германизмов, о возможных соответствиях германского краткого **o*, возникшего из прагерманского **u* в результате *a*-умлаута, ничего не сказано.

В связи с этим нельзя не пожалеть о том, что в славистике для записи праславянских форм тра-

диционно используется антиисторическая транскрипция, основанная на позднем общеславянском (но не праславянском!) произношении (см. о праславянской фонетике, например, [Mareš 1965; Kirparysky 1963; Holzer 2003; Касьян 2012]). За символом **o* этой транскрипции скрывается праславянское краткое **a*, а за символом **a* — долгое **ā*. Использование этой транскрипции затемняет фонетические отношения между славянскими формами и формами контактировавших с праславянским языков, в том числе германских.

В рецензируемой книге имеются также отдельные мелкие ошибки и недочеты.

Так, на с. 10 написано: «Графема *au* отражает прагерм. **o* перед *h*, *lv* и *r*» (“The grapheme *au* reflects PGmc. **o* before *h*, *lv* and *r*”). Имеется в виду готское /o/ из прагерманского **u*.

На с. 102 в обсуждении слова **cǣsarjъ*, получившего в результате действия закона Дыбо ударение на втором слоге, говорится: «В результате закон Станга действовал только в форме ном. sg., в то время как другие падежные формы сохраняли ударение на суффиксе, поскольку закон Дыбо действовал только на конечных слогах (не считая конечных еров)» (“Consequently, Stang’s law operated only in nom. sg., whereas the other case forms retained the accent on the suffix because Dybo’s law operated only on final syllables (not counting final yers)”). Имеется в виду, конечно, не закон Дыбо, а закон Станга.

В обсуждении слова **xqsa* ‘разбой’ на с. 108 автор пишет: «Дыбо также предлагает а. п. *b* на основании др.-рус. хоўлици (1981: 187)» (“Dybo also suggests AP (b) on the basis of OR *xǔlnici* (1981: 187)”). В цитируемом месте В. А. Дыбо говорит, что к а. п. *b* принадлежит **xula*, а слово **xqsa* там не упоминается.

На с. 112 дана ошибочная форма 2 sg. от русского глагола ‘купить’: *kǔpis’*.

На с. 135 в связи со славянским словом **lvъ* ‘лев’ автор пишет о происхождении греческого λέων: «Греческое слово может происходить из семитских языков, ср. ассирийское *labbu*, египетское *labu*, древнееврейское *layiṣ* ‘лев’...» (“The Greek word might stem from Semitic languages, cf. Assyrian *labbu*, Egyptian *labu*, Hebrew *layiṣ* ‘lion’”). Во-первых, египетский не является семитским языком, во-вторых, «египетское *labu*» с выписанными гласными не похоже на древнеегипетскую форму, записанную в общепринятой транслитерации. Еще одна вокализованная древнеегипетская форма приводится на с. 147: “Old Egyptian *āb(u)* ‘ivory, elephant’” (корректная транслитерация этой формы — *ʒbw*). Судя

по давно устаревшей транслитерации, прежде чем попасть в рецензируемую работу, эти формы кочевали из одного этимологического словаря в другой не меньше столетия. При том что такие формы не всегда легко сверить с современными словарями соответствующих языков, возможно, лучше было бы не приводить их вовсе, тем более что к собственно славянской этимологии они имеют в лучшем случае косвенное отношение.

На с. 227 мы читаем: «В традиционном анализе рефлексy ПИЕ звонких смычных $*b$, $*d$, $*g^{(w)}$ восставливались для прагерманского как звонкие фрикативные $*b$, $*d$, $*g$ » («In the traditional analysis, the reflexes of the PIE voiced stops $*b$, $*d$, $*g^{(w)}$ were reconstructed for Proto-Germanic as voiced fricatives $*b$, $*d$, $*g$ »). Вместо «рефлексy ПИЕ звонких смычных $*b$, $*d$, $*g^{(w)}$ » следует читать «рефлексy ПИЕ звонких придыхательных смычных $*b^h$, $*d^h$, $*g^{h(w)}$ ».

Перечисленные выше отдельные недостатки не умаляют гораздо более существенных достоинств рецензируемой работы: полноты приведенного материала, эксплицитности и логической ясности его анализа. Книга Саскии Пронк-Титхофф будет служить не одному поколению как славистов, так и германистов в качестве основного пособия по германизмам в праславянском.

Литература

- Дыбо, В. А., Замятина Г. И., Николаев С. Л. 1990. *Основы славянской акцентологии*. Москва: Наука. [Dybo, V. A., Zamjatina G. I., Nikolaev S. L. 1990. *Osnovy slavjanskoj aktsentologii*. Moskva: Nauka.]
- Дыбо, В. А., Николаев С. Л., Замятина Г. И. 1993. *Основы славянской акцентологии. Словарь. Непроизводные основы мужского рода*. Вып. 1. Москва: Наука. [Dybo, V. A., Nikolaev S. L., Zamjatina G. I. 1993. *Osnovy slavjanskoj aktsentologii. Slovar'. Neproizvodnye osnovy muzhskogo roda*. Vyp. 1. Moskva: Nauka.]
- Зализняк, А. А. 2011. *Труды по акцентологии*. Т. 2: *Древнерусский и старовеликорусский акцентологический словарь-указатель (XIV—XVII вв.)*. Москва: Языки славянских культур. [Zaliznjak, A. A. 2011. *Trudy po aktsentologii*. Т. 2: *Drevnerusskij i starovelikorusskij aktsentologičeskij slovar'-ukazatel' (XIV—XVII vv.)*. Moskva: Jazyki slavjanskikh kul'tury.]
- Зализняк, А. А. 2014. *Древнерусское ударение: Общие сведения и словарь*. Москва: Языки славянской культуры. [Zaliznjak, A. A. 2014. *Drevnerusskoe udarenie: Obščie svedenija i slovar'*. Moskva: Jazyki slavjanskoj kul'tury.]
- Касьян, А. С. 2012. Отражение праславянской фонемы $*y$ в старопсковском диалекте разговорника Т. Фенне как архаизм. Вопросы языкознания 4: 73—100. [Kassian, A. S. 2012. Otrazhenie praslavjanskoj fonemy $*y$ v staropskovskom dialekte razgovornika T. Fenne kak arkhajzm. *Voprosy jazykoznanija* 4: 73—100.]
- Мейе, А. 2001. *Общеславянский язык*. Москва: Прогресс. [Meillet, A. 2001. *Obsčeslavjanskij jazyk*. Moskva: Progress.]
- Ослон, М. В. 2011. Закон Крижанича: доводы против теории «правостороннего дрейфа» [Osłon, M. V. 2011. Zakon Križanicha: dovody protiv teorii «pravostoronnego drejfa»]. *Baltische und slavische Prosodie. International Workshop on Balto-Slavic accentology IV (Scheibbs, 2—4 Juli 2008)*. Scheibbs Internationaler Sprachhistorische Tage 1, Hrsg. E. Stadnik-Holzer. Frankfurt-am-Main.
- Aikio, A. 2007. Etymological Nativization of Loanwords: A case study of Saami and Finnish. In *Saami Linguistics*, edited by I. Toivonen and D. Nelson. Amsterdam-Philadelphia: John Benjamins.
- Beekes, R. S. P. 2010. *Etymological Dictionary of Greek*. Leiden / Boston: Brill.
- Derksen, R. 2008. *Etymological Dictionary of the Slavic Inherited Lexicon*. Leiden / Boston: Brill.
- Dybo, V. A. 2002. Balto-Slavic Accentology and Winter's Law. *Studia Linguarum* 3(2). Moscow.
- Holzer, G. 2003. Urslavische Phonologie. *Wiener Slavistisches Jahrbuch* 49: 23—40.
- Kiparsky, V. 1963. *Russische historische Grammatik*. Т. 1: *Die Entwicklung des Lautsystems*. Heidelberg.
- Mareš, F. V. 1965. *The origin of the Slavic phonological system and its development up to the end of Slavic language unity*. Transl. by J. F. Sponek & A. Vitek. Ann Arbor.
- Orel, V. E. 1998. *Albanian Etymological Dictionary*. Leiden / Boston / Köln: Brill.
- Stang, Ch. S. 1957. *Slavonic accentuation*. Oslo.